

*Посвящается ветерану Великой Отечественной войны,
кавалеру ордена Красной Звезды,
капитану медицинской службы, фронтовому хирургу
Портман Доре Ефимовне*

В штабе фронта, куда она прибыла вместе с несколькими другими молодыми людьми, царил суматоха — в ходе боевых действий шло хаотическое массовое отступление. Человек, который ими занимался, наскоро посмотрев документы, недолго думая, дал каждому направление — кому в полковой медпункт, кому в медсанбат дивизии, кому в специализированный госпиталь фронта, а кому в полевой подвижный госпиталь одной из армий. Ей выпал фронтовой эвакуационный госпиталь. На вопрос — как найти и добраться? — ответил: «Своим ходом, а “язык до Киева доведет”». Кому-то из них повезло — из штаба кто-то направлялся в нужном направлении. Ей же пришлось полагаться на свою целеустремленность. Через некоторое время она сидела

в битком набитом кузове грузовика, ехавшего в нужном направлении.

...Наблюдая поля и перелески, она вспомнила, как буквально две недели тому назад ехала домой на каникулы из мединститута, четвертый курс которого окончила. Через несколько дней после приезда началась война. Немцы стремительно наступали,

и ее семья, как и многие жители местечка Ксаверова, стали готовиться к эвакуации. А кое-кто оставался, поддавшись на агитацию, якобы немцы — культурная нация, и во время Первой мировой войны они хорошо относились к евреям. Семья была небольшая: отец, мать и самая младшая сестренка — как стало известно впоследствии, два брата были призваны в действующую армию, а еще одна сестра — студентка первого курса мединститута — уехала вместе с институтом в эвакуацию, и им удалось выхлопотать одну телегу, которую они и нагрузили небольшим скарбом. Много с собой не брали — необходимые вещи, продукты на первое время и корм для лошади. Они думали, что врага далеко не пустят, поэтому-то не очень торопились... После войны она узнала, что далеко им уехать не удалось. Все, включая четырнадцатилетнюю девочку, погибли в Бабьем Яру... Она, не дожидаясь отъезда семьи, в начале июля направилась в райцентр Базар в военкомат, чтобы пойти врачом на фронт.

... Грузовик нагнал обоз из нескольких таких же грузовиков, и шофер, прокричав ей, что это ее госпиталь, просигналил и дал знать, чтобы они остановились. Она пересела в госпитальный грузовик, и обоз двинулся дальше.

Вдруг в небе появились вражеские самолеты, началась бомбежка. Машины остановились, все начали рассыпаться в стороны от дороги и укрываться в старых воронках, впадинах и канавах. Раздавались противные звуки падающих бомб, и вслед за ними — громовые взрывы, воющий свист осколков и лавинный шум падающей земли. По спине стали больно ударять комья, и дыхание перехватило резким и вьедливым запахом отработанной взрывчатки. Облако пыли, стоявшее в воздухе, заволочило солнце. Одна машина с грузом была разбита прямым попаданием. Но вскоре враги улетели, видимо, наши отступающие фронтовые части были более важны для них как цель. Так произошло ее первое фронтовое крещение.

Фронт, наконец, немного стабилизировался, и ее госпиталю был дан приказ командования армией базироваться. Быстро разгрузились в близлежащей деревне, заняли свободные недалеко стоящие друг от друга дома. Выдалась минута между окончанием размещения и поступлением раненых, и она вышла на лужок. Совсем рядом стрекотал кузнечик, жужжали пчелы, как ни в чем не бывало цвели ромашки и цикорий, ветер шелестел в высокой, местами сожженной траве. В выси синело небо и плыли небольшие, с одной стороны с желтизной, с другой сероватые по краям облака. Было ощущение, что видела все это когда-то давно-давно.

А уже через пару минут начали принимать с фронта раненых. Запомнился первый раненый с оторванными ногами. Когда разбинтовали то, что осталось от ног, ей стало плохо. Вид ран, запах, стоны — она никогда такого не видела и не слышала — резекция трупов в институте, операции в операционных, где они проходили практику, ни в какое сравнение не шли с этим. Ее стало тошнить, помутилось сознание, почувствовав сильную слабость в ногах, едва не свалилась в обморок. Но усилием воли она подавила все это в себе. Медсестра, заметив, как она покачнулась, пристально посмотрела на нее, но увидела только напряженный взгляд, складку на переносице и бледный вспотевший лоб над маской.

Вскоре она научилась проводить первичную обработку ран и удалять осколки из мягких тканей, что теоретически, конечно, знала и в институте на практике видела, но в реальности все оказалось непросто. Кроме того она ассистировала при ампутациях конечностей и при серьезных операциях при ранениях грудной клетки и живота.

Она все время училась по захваченным с собою учебным книгам и у своих коллег, так как профессией военно-полевого хирурга они были вынуждены овладевать на ходу. Трудно приходилось в перевязочной, однако еще труднее — в операционной. Там не было возможности отлучиться даже по нужде. Во время боев, а они происходили часто, ибо немцы рвались и рвались вперед, были все время на ногах, не думая о пище и сне, трудились сутками, подремав часто тут же возле операционного стола. Часто и прилечь не было возможности. Вот и она иногда стояла после сложной

операции, вцепившись руками в край стола, покрытого белой скатертью, залитую словно красным вином, и качалась в дреме. А через несколько минут, очнувшись, бормотала: «Сестра, следующего!»

Прибывавших раненных кормили бутербродами и крепким чаем, после чего их мыли, затем обрабатывали раны, стригли и брили, в том числе и вокруг ран. Дефицит бинтов приводил к тому, что их с раненых разматывали, обеззараживали, далее стирали, гладили и стерилизовали в автоклаве.

Тяжелораненых, кого нельзя было транспортировать до их госпиталя, временно госпитализировали на дивизионных медпунктах. А потом уже перевозили к ним.

Но наступление врага продолжалось, поэтому все делалось быстро и практически без отдыха. Эвакуировав всех раненых, не теряя времени, в темпе собирались — по схеме складывали медоборудование, инструменты, медикаменты и прочее, а также собственные вещи, которых было всего ничего: смена белья, кое-что из одежды, туалетные принадлежности, записи, а у нее еще и учебники,— и перемещались на новую точку дислокации.

Отступление, отступление. От взглядов остающихся людей, от то и дело слышавшихся слов упрека вослед, а то и в лицо: «Все отступаете? Пора бы и приостановиться. Стыдно на вас глядеть. А вам на нас?..» — и без того угнетенное состояние еще более усиливалось. Позже она где-то прочитает такое высказывание: «Кто не пережил отступление, можно сказать, и не был на войне...» Однако это было не просто отступление, а отход после тяжелых боев. Во время одного такого боя их армия потеряла одну вторую своего состава и орудий.

Однажды они переправлялись через реку. Перед ними лежала спокойная зеркальная водная гладь. На том берегу рос красивый смешанный лес — тополя, вербы и осины, дубы и вязы, а за ним царственно возвышались ясени. Это так было похоже на природу родных мест!.. И она с ностальгией вспомнила, как они с одноклассниками, кто тогда был в Ксаверово, ездили 21 июня на автобусе в Киев на прогулку катером по Днепру с ночевкой у подружки, которая к тому времени жила там. Какая это была чудесная прогулка — город во всей красе, солнце, ясное голубое небо без единого облачка, белый бурлящий хвост за катером, блеск солнечных зайчиков на воде, песни, смех, разговоры, мечты!.. Они долго еще гуляли после по вечернему городу... А рано утром их разбудил страшный гром, затрещали стекла в окнах. Но это была не гроза, а бомбежка. Одна бомба упала недалеко от их дома. В этот же день они по радио слушали речь В. М. Молотова. Когда уезжали обратно, звучали сирены, на улицах было много людей. Многие продавали свои вещи. Когда она училась в мединституте и в мирное время иногда звучали сирены — это была учебная воздушная тревога. Но теперь все было всерьез.

В письме, которое сестренка прислала через неделю домой, в Ксаверово, она писала, что институт благополучно эвакуировался, и все уже устроилось. Институт для сестры, как и для нее, был вторым домом. Здесь они на рабфаке буквально приобрели грамотность, необходимую для учебы в институте. Сестра писала также, что программа занятий была изменена, упор делался на военно-полевой хирургии, эпидемиологии, гигиене и токсикологии. И всем, закончившим этот курс, досрочно присваивалась квалификация врача...

Однако предаваться воспоминаниям было некогда. Враг скучать не давал ни воинам, ни медикам. Многого насмотрелась она в госпитале. Был и такой случай: однажды сам, своим ходом, пришел тяжелораненый боец, удерживая рукой выпадающие внутренности...

Порой из-за временной проблемы с транспортом в госпитале оставалось очень много раненых. Мест в палатках и землянках катастрофически не хватало, поэтому тех, кто умирал, выносили и закапывали, а на их места тут же клали других раненных бойцов.

...Уже началось наступление, но не хватало медикаментов, перевязочных материалов и продуктов питания. Это в хорошую погоду, а в проливные дожди... В метели и снежные заносы, как сейчас, стало еще хуже. Стала наблюдаться как пролог тифа — завшивленность, порой от обилия этих насекомых рубашки раненых сами двигались. А затем не замедлил явиться и сам тиф, которым заболели и медики. Заболела и она. Сначала крепилась, невзирая на лихорадку, сутками оперировала, но силы человеческие не беспредельны, и в конечном итоге свалилась. Ни стоны, ни плача, ни укоризны, ни жалобы никто от нее не слышал. Сила воли была буквально написана на ее лице. Лежа на носилках, она бредила и в бреду все время твердила слова, которые говорит хирург или его ассистент за операционным столом. А в минуты прояснения спрашивала о том, сколько еще не обработанных бойцов осталось. Все ее мысли были в операционной. Наверное, поэтому ее удалось спасти. Болезнь отступила перед силой воли! Ведь действенных лекарств тогда от сыпного тифа не было — пенициллин появился только после 1943-го года. Из-за этого было очень много потерь среди воинского состава.

Уже вскоре после выздоровления она самостоятельно провела ампутацию ноги. Но более всего ей запомнился случай, когда она сделала все возможное и невозможное, чтобы спасти правую руку молодому парню, хотя все показания были к удалению. Пока они осматривали руку, он сильно, невыносимо стонал и все глядел на то, что они делают.

— Потерпи, солдат, ты должен выдержать, а лишнего ничего твоего не забережешь,— видя его реакцию, мягко сказала она и, сдвинув брови на переносице, склонилась, сосредоточено осматривая разорванную донельзя осколками руку.

Раненый мученически промолвил:

— Доктор, останется рука-то? Как же я без руки?..

Она внимательно взглянула на него и спросила:

— Как тебя зовут?

— Сергей... — простонал он.

— Не волнуйся, Сережа, я же тебе сказала, мне не нужна твоя рука, у меня свои есть. Мы знаем свое дело, а ты терпи, не разговаривай. Ты же дисциплинированный боец!

— А можно, доктор, выпить мне немного дать?

Ему не ответили, но он почувствовал, как чья-то теплая рука взяла его за кисть здоровой руки, успокоение заструилось в него. Потом ему дали стакан водки...

Руку она ему спасла... Как же благодарил он потом ее!

Много еще было ежедневных, без выходных и отпусков, операций. Шло наступление, количество раненых значительно возросло, так как любое продвижение наших войск сопровождалось многочисленными жертвами. Потому госпиталь стал работать в еще более усиленном режиме.

Были случаи — им к этому не привыкать,— когда по десять — пятнадцать километров до места базирования шли, как говорится, на своих двоих, таща на себе все — палатки, медикаменты, перевязочные материалы и медицинские шины. А однажды, из последних сил добравшись до предназначенного населенного пункта, они увидели, что из нескольких сотен домов, которые в основном были сожжены, осталось всего менее десяти. И снова госпиталь разместился в палаточном городке...

...Природа брала свое. Однажды утром, весной сорок третьего, после восхода солнца, на пригорке у своей палатки она увидела появившуюся из земли первую травинку. Та пробилась сквозь слой гнилых осенних листьев, но капля воды согнула ее. Однако дунул ветер и сбросил каплю, и росток выпрямился и, маленький, неброский, трепетно и упорно потянулся к солнцу. Как это было близко ей, сродни ее одинокой душе...

Шло наступление, и тут она посмотрелась... Спаленные полностью деревни, и в

каждой — сотни убитых женщин, стариков и детей. И везде изувеченные трупы наших пленных солдат и изнасилованных женщин, девушек и девочек... Наиболее страшное зрелище поразило ее недалеко от одного населенного пункта, где на деревьях висели изуродованные туловища, с отрубленными руками и ногами, с ободранной кожей...

Виденное ею, наряду со слышанным и прочитанным в армейских и центральных газетах, рождало в ней огромную ненависть к врагу...

Чтобы успевать за нашими частями, стремящимися на запад, и не допускать перебоев в работе, небольшой коллектив госпиталя вынужден был разделиться на несколько отделений, каждое из которых организовывало собственный медпункт для оказания срочной и плановой медицинской помощи. Кроме того врач с несколькими медсестрами оставались с нетранспортабельными ранеными, в то время как остальные медики из этого отделения двигались дальше за наступающей армией. Те, кто оставались, организовывали эвакуацию тяжело раненых и затем снова соединялись со своим отделением. Так на расстоянии сотен километров госпиталь, в условиях очень динамичных боевых действий, оказывал самую приближенную к ним медицинскую помощь.

Продвигаться на запад медикам приходилось разными путями. Иногда на танках, что давало возможность не тащить на себе все необходимое для работы и личные вещи. Самое лучшее место на танке — сзади башни: удобно, не ощущается тряска, от мотора идет тепло. Зимой это особенно ценно. Однако, если враг обнаружит движение танков, может начаться бомбардировка. Однажды пришлось быстро спрыгивать и прятаться в придорожных канавах от немецких бомбардировщиков. Но немного погодя наши истребители атаковали и прогнали их. Один из вражеских самолетов с ураганным свистом и завыванием, весь в огне и дыму, снижаясь, пролетел над ними и ввали, врезавшись в землю, подорвался на собственном бомбовом запасе.

Госпиталь передвигался на запад и по налаженной железной дороге. Однако риск бомбардировок не уменьшался. Как-то они подверглись очень сильному нападению с воздуха. Поезд вынужден был остановиться, и все стали разбегаться в разных направлениях, прячась в естественных укрытиях. Когда опасность миновала и поезд прибыл на станцию, выяснилось, что дальше ехать невозможно, так как путь сильно поврежден — шедший перед ними поезд был полностью разбомблен практически у самой станции. Это был воинский состав с техникой, и вокруг валялись искореженные вагоны, рельсы, шпалы, орудия и части человеческих тел. Стоял сильный запах гари. А легкий ветерок шевелил траву, суша оставшиеся дождевые капли...

Но все же путь на запад был веселее, чем на восток.

...Вот наступила весна 1944-го года. С юга устремился теплый ветер, гнавший по небу рваные темные тучи. На дорогах начали таять замерзшие лужи, по обочинам стали проваливаться сугробы почернелого пористого снега. Летели стаи перелетных птиц.

Летом того же года наша армия, а с ней и госпиталь пересекли границу страны и вошли с боями в Польшу. Вначале население приветливо встречало наших бойцов. Поляки приносили в госпиталь носильные вещи, полотенца, постельное белье, одежды, фрукты и ягоды. Женщины предлагали свою помощь в уходе за ранеными. Но стала активно работать антисоветская пропаганда членов прозападной польской армии и польских националистических воинских соединений. И благорасположение поляков изменилось с точностью до наоборот.

Однако наши войска, словно поезд, развивший неистовую скорость, стремительно двигались на запад, и вот настал момент, когда они ворвались на территорию Германии. Города, через которые после упорных сражений армии передвигался их госпиталь, выглядели набором угрюмых останков разбомбленных домов с темными впадинами вместо окон, уцелевших зданий с наглухо закрытыми подъездами и белыми простынями на балконах и безлюдных улиц с обвисшими электропроводами,

на которых то тут, то там стояли горелые танки и лежали завалы кирпичей. Вдали была слышна артиллерийская канонада, там еще кипело сражение.

Она увидела безлюдные сельские поселения, в которых на улицах мычали голодные коровы, рылись в земле свиньи и куры. В городке, куда их определили для развертывания госпиталя, в домах не было потушено электрическое освещение, и вообще создавалось впечатление, что люди только что наспех покинули свои жилища. Как потом оказалось, они или убежали, или прятались от страха расправы.

Этой весной на немецкой территории сражения были очень активны, что приводило к немалым человеческим жертвам и, естественно, к большому и непрерывному потоку раненых.

Но вот, после взятия Берлина, наступило затишье. Их госпиталь остановился в небольшом городке. Стоял солнечный, по-весеннему нежный и ласковый май. В высоком голубом небе плавно плыли белые облака, кругом ярко зеленела трава, пахло нагретой землей и благоухала сирень. Было впечатление необычайного праздника.

Медики, как, видимо, и все в армейских подразделениях в эти дни, отсыпались и отъедались, мылись и стирали одежду и белье. Отдохнув, они не переставали удивляться чистым комнатам и кухням, туалетам и ванным в разноцветном кафеле и зеркалах, вещам, аккуратно разложенным по полочкам, непривычно большим кроватям, толстым перинам, мягким подушкам и высококачественному белоснежному постельному белью.

Вокруг в эти майские дни стояла непривычная тишина, от которой тихо звенело в ушах, и она буквально пьянила людей, не привыкших к ней. В солнечном воздухе, под чистой синевой неба, плавали запахи весенней свежести, смолистых сосен, душистой ранней сирени и цветущих яблонь и... добытого немецкого туалетного мыла. А в ночи к этому очарованию еще добавлялась висевшая в синем небе красивая луна. Все это рождало радостную беззаботность.

Общий настрой был, конечно, величавый, царило победное воодушевление, великая радость от достигнутой цели, к которой шли столько времени через потери, кровь, гибель боевых товарищей, близких, ни в чем не повинных людей, сожженные города, деревни, родные дома; великая радость мирного времени. Царил оптимизм, вера в возрождение жизни во всех ее аспектах — личных и общественных.

И было очень приятно, когда одна за другой пришли награды. Вначале орден Красной Звезды. В наградном листе было написано: «Капитан мед. сл., нач. медотделения эвакуогоспиталя 2734 1 УкрФ, канд. ВКП (б) ... постановкой эвакуорботы обеспечивала бесперебойную эвакуацию раненых без единого дефекта. В 1945 г. в трудных зимних условиях эвакуировала 3037 человек тяжелораненых. Помимо основной... работы ведет лечебно-хирургическую работу. Сама обслуживает 150—200 человек раненых. Работая в госпитале в течение всей Отечественной войны, показала себя как преданный Родине офицер. Самоотверженно обеспечивает выполнение задач по лечебно-эвакуационной работе...» Потом пришла медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и орден Отечественной войны II степени.

Но самой большой наградой были тысячи спасенных жизней. А благодарная улыбка того парня с сохраненной рукой и его слова: «Спасибо, доктор!» сохранились в памяти на всю жизнь.

Окончила она службу 25-го декабря 1945-го года.

Рассказ написан по старым записям.

